УДК 94(47).083

С. В. Куликов

Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм[1]

Антихвостовская мотивация Горемыкина имела известные основания, поскольку 3 августа Хвостов не только критиковал Джунковского, МВД и правительство в целом, возглавлявшееся тем же Горемыкиным, но и, говоря «не от фракции, а от себя», оспорил самого лидера Правой группы Государственного Совета П. Н. Дурново. Выступая в Государственном Совете 19 июля, Дурново объявил от лица власть предержащих, что «мы боимся приказывать». «Между тем, — продолжал Дурново, — мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать... Послушаются не только царского повеления, но и повеления того, кого царь на то уполномочит... Вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения, из народа исходящие, а также и своих собственных представителей»[2]. «Господа, — полемизируя с Дурново, говорил Хвостов 3 августа, — он провозгласил формулу управления, сказав, что надо уметь только приказывать в настоящее время, а я отвечу ему, в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас всех немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы, наконец, интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть перестала быть виноватой,

[1] Окончание. Начало см.: Петербургский исторический журнал. 2014. № 2–4.

[2] *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.–СПб., 2013. С. 149–150.

и только тогда она может приказывать, и народ пойдет за ней»[3]. Выступление Хвостова неоднократно прерывалось «бурными рукоплесканиями» не только справа и в центре, но и «на отдельных местах слева» и даже слева в целом. Эта речь, отмечал генерал А. И. Спиридович, «по резкости и нападкам на власть была гораздо хуже речей левых и потому произвела на всех особенно сильное впечатление»[4]. «В Государственной Думе, — записал 3 августа бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов, — даже правый Хвостов ополчился на правительство»[5]. Насколько ораторский успех Хвостова беспокоил его политических конкурентов не только сверху, но и слева, видно из письма от 9–10 августа, адресованного фактическому премьеру Кривошеину П. Б. Струве, который, действуя в пользу организации леволиберального большинства в Думе и Государственном Совете, подчеркивал, что «в борьбе с демагогией нужно Хвостовых загнать в революционный угол, накрыть там с красным флагом и политически обезвредить (если угодно, высечь)»[6]. В августе 1915 г. Хвостов явно перехватывал инициативу у лидеров либеральной оппозиции.

После образования 25 августа Прогрессивного блока Хвостов пошел на демонстративное сближение с ним, оставил Фракцию правых и вступил во внепартийную группу независимых депутатов[7], хотя, по информации из других источников, он покинул фракцию после назначения министром[8]. «При некоторых организационных усилиях, — отмечал осведомленный С. М. Султанов, — полагаем, депутата А. Н. Хвостова можно было бы привлечь в Прогрессивный блок. Если бы не неожиданный портфель министра внутренних дел, то трудно сказать, как далеко пошел бы в своем новом повороте А. Н. Хвостов»[9]. В начале сентября, «не отрицая необходимости создания твердой власти, А. Н. Хвостов принципиально не возражал против образования Прогрессивного блока и той пользы, которую он может принести». Имея в виду вопросы о борьбе с немецким засильем и дороговизной, он заявил тогда представителям прессы: «Если бы авторы Прогрессивного блока включили в свою программу эти два пункта, я к ним охотно

[3] Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.): В 2 т. / Сост. М. А. Буланакова, С. В. Куликов и О. А. Патрикеева. СПб., 2004. Т. 2. С. 343.

[4] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 137.

[5] *Сухомлинов В.* А. Дневник // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 122.

[6] А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 54–55.

[7] *Иванов А. А.* Указ. соч. С. 190.

[8] Двенадцатый съезд уполномоченных дворянских обществ 34 губерний. 27 ноября — 3 декабря 1916 г. Петроград // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. Т. 3. М., 2000. С. 600.

[9] *Султанов С. М.* А. Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.

присоединился бы»[10]. Таким образом, одобряя программу блока, Хвостов хотел, однако, дополнить ее еще двумя пунктами, между тем В. С. Дякин утверждал, что упомянутые пункты Хвостов «выдвинул» «вместо “второстепенных”, по его словам, лозунгов Прогрессивного блока»[11], с чем согласиться нельзя.

Более того, Хвостов, хотя и с известными оговорками, принимал даже главный пункт программы Блока — о замене кабинета Горемыкина «министерством общественного доверия». В начале сентября Хвостов говорил журналистам: «Я являюсь безусловным сторонником обновления кабинета, но полагаю, что так называемые общественные деятели, т.е. лица, не имеющие специального служебного стажа, не подготовлены с деловой точки зрения к роли министров». «Я, — конкретизировал Хвостов собственную позицию, — допускаю и даже считаю желательным назначение в состав высшего правительства тех деятелей различных партий Государственной Думы и [Государственного] Совета, которые известны своей прошлой административной деятельностью и против которых в обществе нет нареканий»[12]. Под пером одного из лидеров Прогрессивного блока П. Н. Милюкова Хвостов предстает как «речистый и шумный депутат, не лишенный житейской ловкости и проявивший вкус к демагогии»[13], а в другом месте — как «молодой и шустрый человек, энергичный и предприимчивый, — но только не на государственную деятельность»[14]. Однако Милюков сознательно преуменьшал потенциал своего едва ли не главного на тот момент политического конкурента, поскольку сам же признавал, что при формировании Прогрессивного блока кандидатами в председатели «министерства доверия» являлись А. И. Гучков и... Хвостов[15], имя которого «называлось» именно в связи с поисками нового премьера[16].

Выдвигая предположение, что «имя Хвостова <...> могло быть впервые подсказано и не из распутинских сфер», Мельгунов отмечал, что Хвостов «несколько неожиданно стал в августовские дни появляться даже на завтраках Кривошеина и был введен тогда либеральным Григоровичем (морским министром. — *С. К.*) в число желательных кандидатов на занятие министерского поста в “деловом” кабинете»[17]. Ничего неожиданного в появлении Хвостова на завтраках Кривошеина нет, поскольку еще в начале 1915 г. фактический премьер и его соратник, недавний лидер думской Фракции центра и товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием граф В. В. Мусин-Пушкин запланировали назна-

[10] А. Н. Хвостов о Прогрессивном блоке // Утро России. 1915. 28 сентября.

[11] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 130.

[12] А. Н. Хвостов о кабинете общественных деятелей // Утро России. 1915. 28 сентября.

[13] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 32.

[14] *Милюков П. Н.* Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 193.

[15] Показания П. Н. Милюкова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.–Л., 1924–1927. Т. 7. М.–Л., 1927. С. 316.

[16] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 180.

[17] *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 223–224.

чение Хвостова на пост министра без портфеля, который представлял бы в кабинете Думу[18]. Впрочем, к выдвижению кандидатуры Хвостова в руководители МВД Кривошеин был, судя по всему, непричастен, и назначение думца стало для него и других министров полной неожиданностью. «Я, — вспоминал министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, подразумевая вопрос о причинах возвышения Хвостова, — этот вопрос ставил Кривошеину, так как мне казалось, что он больше в курсе, но и он не отдавал себе отчета. Некоторые кандидаты прошли, безусловно, под влиянием Горемыкина, но некоторые совершенно непонятно для нас, откуда были; например, А. Н. Хвостов, — совершенно неизвестно, откуда его выкопали... Одним словом, для нас было загадкой, откуда Хвостов?»[19] Одно несомненно: Хвостов как общественный деятель пользовался доверием не только части либеральной оппозиции, но и фактического премьера, в конце августа действовавшего с большинством кабинета против Горемыкина, а потому неудивительно, что кандидат Николая II по-прежнему встречал неприятие со стороны формального премьера.

В список, составить который Горемыкин обещал императрице Александре Федоровне 23 августа, входили директор Департамента общих дел МВД А. Н. Волжин, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части сенатор Д. Н. Любимов, назначенный член Группы правого центра Государственного Совета А. Б. Нейдгарт и варшавский губернатор П. П. Стремоухов[20]. Наиболее желательным кандидатом Горемыкину виделся государственный секретарь и при посещении царицы 28 августа премьер «хотел предложить Крыжановского, но я, — сообщала Александра Федоровна супругу на следующий день, — ответила, что ты никогда не согласишься»[21]. Тогда Горемыкин остановился на кандидатуре А. Б. Нейдгарта[22], шурина П. А. Столыпина, бессменного лидера Группы правого центра верхней палаты и к тому же оппонента Прогрессивного блока. Премьер исходил из весьма тонкого расчета, поскольку хорошо знал, что Нейдгарт, руководивший деятельностью Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий (Татьянинского комитета), пользуется благоволением Александры Федоровны. Действительно, совсем недавно, 1 августа, именно по ее ходатайству Нейдгарта, выбывшего по жребию из состава выборных членов Государственного

[18] *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 46, 446.

[19] Показания графа П. Н. Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 12.

[20] «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1. С. 25.

[21] Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 237.

[22] Александра Федоровна — Николаю II. 28 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 234.

Совета, Николай II сделал его назначенным членом[23]. Очевидно, по логике Горемыкина, выбирая между Нейдгартом и Хвостовым, незнакомым ей лично, царица должна была первого предпочесть второму, что поначалу как будто бы и получилось, ибо после беседы с премьером она полностью поддержала кандидатуру Нейдгарта в письме супругу от 28 августа[24].

Ситуация стала меняться на следующий день, 29 августа, когда в царскосельском домике Вырубовой произошла ее встреча с Хвостовым[25], который в данном случае исполнял желание Николая II представить думца Александре Федоровне. «Будучи всем этим заинтересован и не зная, как исполнить его желание, — рассказывал Хвостов, — я обратился к Вырубовой... Этому делу способствовал и Михаил Михайлович Андроников»[26]. Участие последнего объяснялось, помимо прочего, тем, что Андроников «очень хорошо» знал отца Хвостова, а его помнил еще лицеистом[27]. При этом Хвостов оставался в неведении, что отношение царя и царицы к Андроникову было «критически-ироническое»[28], причем как Николай II[29], так и Александра Федоровна[30] отказались принять от Андроникова иконы, переданные князем через посредников. Сам Андроников также хотел познакомиться с Хвостовым после его речи 3 августа[31] и сделал это через общую знакомую Н. И. Червинскую[32] — она знала Хвостова несколько лет по Мариенбаду (куда до войны, несмотря на собственное германофобство, Хвостов ежегодно ездил на лечение) и организовала встречу думца с князем у себя на квартире. В свою очередь Андроников познакомился с Вырубовой на квартире у Распутина в середине июня 1914 г. и, будучи у нее в середине августа 1915 г., рассказал о содержании речи Хвостова. В ответ Вырубова заметила, что «хотела его повидать», поскольку ей «говорили о нем их величества», а через несколько дней телефонировала Андроникову: «Же-

[23] *Куликов С. В.* Практика пополнения состава членов Государственного Совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000. С. 100.

[24] Александра Федоровна — Николаю II. 28 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 234.

[25] Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237–238.

[26] *Хвостов А. Н.* Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 163.

[27] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379.

[28] *Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С. 290.

[29] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А. А. Закат Империи. М., 2001. С. 330.

[30] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 36.

[31] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379.

[32] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона. С. 342.

лаю видеть Хвостова», и князь привез его к Вырубовой[33]. Так, помимо Распутина и Александры Федоровны, Хвостов, планировавший во исполнение царского желания представиться царице, познакомился с ее ближайшей подругой.



Хвостов — депутат Думы

«На допросе, — писал А. Я. Аврех, — Андроников пытался уверить [Чрезвычайную следственную] комиссию, что он привел Хвостова к Вырубовой «случайно», по ее инициативе и уже после того, когда царем было решено сделать Хвостова преемником Щербатова. Однако переписка царской четы полностью опровергает эту версию: до появления Андроникова в Царском Селе императрица и Горемыкин примеривали на пост министра внутренних дел совсем других людей, в частности упомянутого Нейдгарта. Впервые имя Хвостова в качестве возможного кандидата на пост министра внутренних дел императрица упоминает в письме от 3 сентября, причем наряду с тем же Нейдгартом. Из ее последующих писем видно, что эта кандидатура была подсказана ей именно Андрониковым»[34]. На самом деле впервые кандидатура Хвостова появляется в письме царицы от 22 августа, а кандидатура Нейдгарта — в письме от 28 августа, причем из первого письма видно, что кандидатура Хвостова была «подсказана» Александре Федоровне не Андрониковым, а самим Николаем II. В сущности, косвенно это был вынужден признать и сам А. Я. Аврех, когда писал, что царица выступала в пользу назначения Хвостова «еще при заочном знакомстве, со слов Вырубовой, при сопротивлении Горемыкина, настаивавшего на своем кандидате — Крыжановском, в отсутствие Распутина, находившегося в то время в Покровском»[35]. Если бы Андроников действительно являлся организатором назначения Хвостова, то, действуя в его пользу, не выходил бы из-за кулис, однако мастер по части политических интриг действовал наоборот. Описывая

[33] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379–382.

[34] *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 115.

[35] *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 115.

их поездку в Царское Село, князь показывал: «Нас в вагоне увидели, да и трудно было его (Хвостова. — *С. К.*) не заметить (я тоже был полнее, чем теперь) ...Нас увидело несколько знакомых и сейчас же, после назначения Хвостова, они говорили: "Ах, Андроников возил Хвостова в Царское, — значит, вот откуда всё это происходит!"»[36]. Естественно, в данном случае Андроников действовал только в качестве посредника между Хвостовым и Вырубовой.

Подруге венценосцев думец понравился настолько, что «произвел на нее, — сообщала царица Николаю II 29 августа, — прекрасное впечатление», которое, однако, не передалось Александре Федоровне полностью, поскольку и в это время она выбирала между Нейдгартом и Хвостовым. Имея в виду Горемыкина, императрица тогда же просила мужа: «Поговори с ним насчет Нейдгардта». Относительно же Хвостова Александре Федоровне было «нечего сказать», так как «старик против него, я же, — подчеркивала царица, — его не знаю», речи, озвученной 3 августа, «не читала», а потому ей «трудно давать советы». Подразумевая Хвостова и Горемыкина и только множа свои сомнения, Александра Федоровна вопрошала: «Все ли другие против него, или один только старик, который ненавидит всех думских? Очень трудно тебе опять решить, бедное мое сокровище, а я не могу высказаться, раз не знаю этого человека... Поговори с Горемыкиным о нем»[37]. Однако Николай II, вынашивая свой замысел относительно Хвостова, явно не собирался торопить события только потому, что этого хотела Александра Федоровна. Хотя 30 августа царь «долго принимал» Горемыкина[38], вопрос о новом министре внутренних дел, вопреки рекомендации царицы, даже не ставился. «Он, — отвечал после встречи с премьером император 31 августа, — может передать тебе наш разговор, но я совершенно забыл упомянуть о Хвостове. Лучше оставить эти вопросы до моего возвращения»[39]. Александра Федоровна могла лишь подчиниться воле Николая II, по-прежнему балансируя между Хвостовым и Нейдгартом. Так, в письме за 3 сентября, выражая желание, чтобы царь «мог хоть мельком взглянуть на Хвостова, годится ли он для тебя», царица тут же добавляла — «а не то Нейдгарт», хотя он — «такой педант!»[40]. Во время состоявшейся 7 сентября встречи Александры Федоровны с Горемыкиным она сказала ему, что «ты, — писала императрица мужу в тот же день, — еще не решил относительно Нейдгарта, — может быть, по возвращении ты еще раз подумаешь о Хвостове»[41]. Пока Николай II хранил молчание, остав-

[36] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 379.

[37] Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237–238.

[38] *Николай II*. Дневники (1894–1918): В 2 т. М., 2013. С. 150.

[39] Николай II — Александре Федоровне. 31 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 244.

[40] Александра Федоровна — Николаю II. 3 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 250.

[41] Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Алек-

ляя в неведении Александру Федоровну, Андроников развернул агитацию в пользу Хвостова перед Вырубовой и Горемыкиным.

Царица информировала царя 7 сентября, что в разговорах с их подругой Андроников «продолжает восхвалять Хвостова и убеждает в этом Горемыкина»[42]. В качестве главного козыря князь использовал речь Хвостова; он передал Андроникову «несколько отпечатков» речи, и князь начал распространять их «в конце августа»[43]. Спустя неделю, несомненно через Вырубову, текст речи дошел и до Александры Федоровны, переславшей Николаю II один из «отпечатков» 8 сентября[44]. Речь, получившая высокую оценку со стороны царицы, явилась поводом для письменных обращений Андроникова к Вырубовой и Александре Федоровне[45]. В послании Вырубовой, написанном не ранее 2 сентября, князь, упомянув о росте оппозиционных настроений, утверждал: «На министра внутренних дел в настоящее время обращены не только тысячи глаз, но и тысячи умов. Его ум должен уметь реагировать на эти умы толпы. Речь А. Н. Хвостова, произнесенная им недавно в Государственной Думе, пронеслась доброй вестью по всей России. С какой же силой пронесутся его речи, когда он будет произносить их в качестве ближайшего слуги нашего царя? Народ больше всего пленяют такие политические деятели, которым присущи живое слово, энергия и ум, а на таких царских слуг теперь страдная пора». В письме Александре Федоровне, написанном несколько позже, Андроников, подразумевая депутатов Думы, указывал: «Среди последних особенно вырисовывается фигура члена Государственной Думы Алексея Николаевича Хвостова, пользующегося особенным уважением и авторитетом и с вполне подготовленной и определенной государственной программой, которой в последнее время не было ни у одного министра. Многие, помня желание государя императора привлечь Хвостова к высшему управлению Министерством внутренних дел после кончины Столыпина, намечают его кандидатом на этот пост и в настоящее трудное время. Голос народа — голос Бога, говорит пословица. Быть может, действительно Алексей Николаевич Хвостов будет избранником и тогда наши тревоги уступят место полному успокоению, так как во главе нашего Внутреннего, самого важного ведомства будет человек сильной воли, будет сильная преданная царю власть»[46].

сандры... С. 264.

[42] Там же. С. 267.

[43] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 382.

[44] Александра Федоровна — Николаю II. 8 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 271–272.

[45] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 388.

[46] «Успокоения нечего ожидать»... С. 25, 28–29. При публикации второго письма в 1999 г. мы сочли его адресатом Николая II, однако, судя по его контексту, оно адресовано Александре Федоровне.



Хвостов — губернатор

Агитационная деятельность Андроникова, который, по удачному выражению Хвостова, «не проводил», а «хвалил» его[47], принесла свои плоды в том смысле, что Александра Федоровна, преодолев колебания между мнениями о думце Николая II и Горемыкина, к 10 сентября окончательно приняла кандидатуру Хвостова. «Прошу тебя, — обращалась тогда царица к супругу, — поговори серьезно о Хвостове как министре внутренних дел с Горемыкиным. Я уверена, что он — подходящий человек для теперешнего момента, так как никого не боится и предан тебе»[48]. Между тем Горемыкин, будучи 11 сентября у императрицы, снова говорил против Хвостова, ссылаясь на мнение о нем его дяди[49], а 14 сентября, приехав в Ставку, во время вечернего приема у Николая II[50] пошел ва-банк и в качестве желательного преемника Щербатова прямо «назвал Крыжановского, но я, — сообщал император супруге 19 сентября, — отверг его»[51]. В более чем полуторамесячном споре с монархом о Хвостове премьер окончательно проиграл, и 16 сентября, вспоминал Крыжановский, «вернулся из Ставки с известием о назначении А. Н. Хвостова»[52]. Характерно, однако, что, вплоть до 19 сентября Николай II так и не проинформировал Александру Федоровну о содержании своей беседы с Горемыкиным, и причиной тому стало обстоятельство, также оставшееся неизвестным императрице, а именно — постепенное воплощение Хвостовым царского плана, имевшего целью его сближение с Александрой Федоровной. С. П. Мельгунов полагал, что, вопреки показаниям Хвостова, он «должен был побороть не столько противодействие

[47] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 22.

[48] Александра Федоровна — Николаю II. 10 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 279.

[49] Александра Федоровна — Николаю II. 12 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 287.

[50] *Николай II.* Указ. соч. С. 153.

[51] Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

[52] *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 141.

Александры Федоровны, сколько колебания императора дать окончательное согласие на назначение Хвостова — очевидно, после протеста Горемыкина»[53]. Между тем, «колебания» по вопросу о Хвостове имелись не у царя, а лишь у царицы, и вызывались, помимо позиции премьера, отрицательным отношением к бывшему губернатору со стороны Распутина, приобретая в данном контексте значение «противодействия».

Исполняя желание Николая II, Хвостов наконец-таки вышел непосредственно на императрицу. «Я, — показывал Хвостов, — воспользовался тем, что не было Распутина, и мне удалось быть представленным Александре Федоровне»[54], причем роль посредницы сыграла Вырубова, которая, вдохновляемая Андрониковым, «с восторгом» устроила частный прием думца у царицы[55]. «Он, — подразумевая Хвостова, писала Александра Федоровна мужу 11 сентября, — очень желает меня видеть, считает, что я одна могу спасти положение, пока ты в отсутствии (сказал это Андроникову), хочет поговорить со мной по душам и высказать мне все свои мысли»[56]. Факт того, что инициатором встречи стал именно Хвостов, неопровержимо доказывает — в это время он действовал, реализуя план императора, а не его жены, встретившейся с депутатом только через неделю, поскольку Александре Федоровне, в отличие от Николая II, было важно узнать об отношении к Хвостову Распутина, по-прежнему находившегося в Сибири. Телеграфный запрос о Хвостове Вырубова послала старцу около середины сентября, и уже 16-го подруга венценосцев получила телеграфный ответ Распутина, который дал понять, что «Хвостов подойдет»[57], что он — «самый подходящий человек»[58]. Весьма показательно: в истории с назначением Хвостова старец появился, да и то заочно, лишь тогда, когда всё уже давным-давно было решено без него лично Николаем II. Не менее примечательно и другое — Распутин, в августе 1911 г. отозвавшийся о Хвостове отрицательно, в сентябре 1915 г. встал на противоположную точку зрения, поняв, что назначение нижегородского обидчика предрешено царем и одобряется царицей. Впрочем, в данном случае наблюдается и обратная зависимость — получив благословение старца, Александра Федоровна уверилась окончательно, что в споре о Хвостове прав Николай II, а не Горемыкин. «Теперь, — писала императрица монарху 17 сентября, — когда и Григорий советует взять Хвостова, я чувствую, что это ***правильно***, и потому приму его»[59].

---

[53] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 224.

[54] Допрос А. Н. Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 74.

[55] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 163.

[56] Александра Федоровна — Николаю II. 11 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 284.

[57] Александра Федоровна — Николаю II. 16 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 302.

[58] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 309.

[59] Там же. С. 305.

Александра Федоровна действительно не заставила себя долго ждать. «Милый, — сообщала она Николаю II 17 сентября, имея в виду события предыдущего дня, — Хвостов был опять у Ани и умолял, чтоб я приняла его, поэтому приму его сегодня»[60]. «Через день после свидания с Вырубовой, — рассказывал Хвостов, — мне был назначен прием у царицы», причем — в Александровском дворце, а не в домике Вырубовой[61]. В начале состоявшейся 17 сентября и длившейся «больше часу»[62] встречи Александра Федоровна приняла Хвостова «очень милостиво» и сказала, что «очень рада» его видеть, однако намекнула на то, что он «не безгрешен по отношению к Распутину»[63]. Царица, рассказывал Хвостов позднее, заявила, что «помнит меня и очень ценит, но что сердце и душа не соответствуют у меня уму», поскольку «они загрубели», доказательством чего является «инцидент с Распутиным в Нижнем»[64], однако тут же выразила надежду, что у собеседника «откроются глаза» на старца[65]. Тему назначения Хвостова Александра Федоровна прямо не затронула, хотя и сказала: «Вас очень хвалит государь, о вас он говорит много приятных слов!». Снова переходя на намеки, царица дала понять, что воспримет «с удовольствием» назначение Хвостова и вообще — будет «рада» «видеть назначенным» именно собеседника[66].

Впрочем, намеки Александры Федоровны были достаточно прозрачны, так что в своих воспоминаниях Хвостов передал суть ее высказываний вполне однозначно: «Мой муж не раз уже подумывал о назначении вашем на пост министра внутренних дел, и действительно, Щербатов совершенно не годится. Но сознаюсь, что я этому препятствовала вследствие того, что вы так отрицательно относитесь к Григорию Ефимовичу». Под «препятствованием» императрицы здесь, очевидно, необходимо понимать ее колебания между мнениями о Хвостове Николая II и Горемыкина, прекратившиеся окончательно 16 сентября, после получения телеграфного благословения старца. «Ваше назначение, — заметила в связи с отмеченным обстоятельством Александра Федоровна, — теперь тем более возможно, что я получила от Григория Ефимовича телеграмму, в которой он благословляет это намерение наше»[67]. «Но, — заметила царица в конце беседы, — мне бы хотелось — это мое желание, вы, может быть, удовлетворите его, с своей стороны представив сенатора Белецкого в свои товарищи?» Впрочем, данную просьбу, показывал Хвостов, императрица высказала «мягко,

[60] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 304.

[61] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 163.

[62] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 306.

[63] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 342.

[64] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 163–164.

[65] Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф. П. Симсона... С. 342.

[66] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 8.

[67] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 163–164.

кругло», «в дипломатической форме»[68]. Значит ли это, что Белецкий являлся кандидатом Александры Федоровны? Конечно, нет, поскольку кандидатура сенатора была выдвинута лично Николаем II перед Щербатовым более полутора месяцев назад помимо царицы, и если она выступила 17 сентября за назначение Белецкого, то лишь учитывая мнение монарха, которому и принадлежала идея тандема «Хвостов–Белецкий».

Показательно также, что впервые о сенаторе Александра Федоровна упомянула в письме мужу от 20 сентября, после того как при посредничестве и в присутствии Андроникова Вырубова, явно по просьбе императрицы, приняла Белецкого в своем домике и побеседовала с ним «о настроении страны» (Андроников ошибочно относил эту встречу к августу 1915 г.)[69]. Сообщая Николаю II содержание данной беседы, Александра Федоровна писала о Белецком 20 сентября: «Это, кажется, человек, который действительно мог бы быть весьма полезным министру внутренних дел, так как он всё знает. Джунковский его съел именно тогда, когда необходимо иметь все нити в руках»[70]. Очевидно, что если бы Белецкий действительно являлся кандидатом императрицы, то она упомянула бы о нем в письмах супругу до 20 сентября, по крайней мере — еще тогда, когда Джунковский находился на посту товарища министра.

От общения с Хвостовым Александра Федоровна, информировала она супруга 17 сентября сразу после ухода думца, осталась «полна наилучших впечатлений» и пришла к заключению, что «работа с таким человеком будет удовольствием». «Поговорив с ним, — писала царица царю в тот же день о Хвостове, — я теперь могу откровенно тебе посоветовать взять его ***без всяких колебаний***»[71]. Однако с 22 августа, т.е. с момента отъезда Николая II в Ставку, он ни разу не отреагировал на всю ту информацию о Хвостове, которой Александра Федоровна наполняла чуть ли не каждое свое письмо. Подобное поведение императора не могло не вызывать у императрицы раздражения, облеченного в форму беспокойства, прорвавшегося во втором послании, написанном ею мужу 17 сентября. «Я, — напоминала тогда Александра Федоровна, — четыре раза тебе телеграфировала о Хвостове и надеялась, что ты ответишь хоть словечко на это»[72]. Даже В. И. Гурко, преувеличивавший политическое влияние царицы на царя, был вынужден признать, подразумевая отношения между венценосцами, в частности — и в случае с назначением Хвостова: «Не имея достаточно мужества оказать ей явное сопротивление, он прибегал в таких случаях к пассивной обороне. Так, он систематически не отвечал на некоторые

[68] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 8.

[69] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 394, 395.

[70] Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

[71] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 306, 307.

[72] Там же. С. 310.

обращаемые к нему царицей предложения и вопросы»[73]. Как представляется, дело заключалось не в недостатке у императора мужества, а именно в его избытке, точнее — в том, что за долгие годы семейной жизни Николай II, будучи мужем со стажем, сумел выработать в себе способность тактично, но твердо ставить пределы вмешательству Александры Федоровны в государственные дела.

Лишь после почти месячного молчания относительно судьбы Хвостова монарх 18 сентября снизошел до того, чтобы наконец-таки удовлетворить любопытство жены по данному вопросу. «Только что, — обращался в указанный день император к императрице, — получил твое последнее милое письмо от 17-го, в котором ты говоришь о хорошем впечатлении, произведенном на тебя молодым Хвостовым. Я уверен был в этом... И чтобы не терять времени, немедленно повидаю его в тот день, когда приеду, в 6 часов»[74]. «Реакция царя, — комментировал эти строки А.Я. Аврех, имея в виду зависимость Николая II от Александры Федоровны, — была быстрой и решительной... Через два дня царь возвращается в Царское, а спустя пять дней Хвостов назначается министром внутренних дел»[75]. Однако в действительности возвращение Николая II в Царское Село произошло через пять дней, 23 сентября[76], а назначение Хвостова последовало (считая от 18-го) через восемь дней, 26-го[77]. И потом — как можно говорить о «быстрой и решительной» реакции царя, если он не реагировал на письменные упоминания царицы о Хвостове с 22 августа вплоть до 18 сентября? «Быстрая и решительная» реакция Николая II объяснялась весьма прозаично: в среду, 23 сентября, он собирался вернуться в Царское Село, а потому телеграфировал Александре Федоровне 19 сентября: «Я помню Хвост[ова]. Хотел бы повидать его в среду в 6 часов; не можешь ли ты известить его?»[78] «Сердечно благодарю за телеграмму, — в тот же день отвечала царица. — Извещу»[79]. Позднее Хвостов рассказывал: о том, что его «хотел бы видеть государь», Александра Федоровна сообщила думцу во время второй аудиенции[80], однако, судя по ее письмам и телеграммам с 18 по 22 сентября[81],

[73] *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 363.

[74] Николай II — Александре Федоровне. 18 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

[75] *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 116.

[76] *Николай II.* Указ. соч. С. 155.

[77] *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

[78] Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

[79] Александра Федоровна — Николаю II. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 317.

[80] *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С. 165.

[81] Переписка Николая и Александры... С. 311–322.

на этот раз память изменила Хвостову, и императрица сообщила ему о желании Николая II не лично, а через Вырубову.

Память изменила Хвостову и тогда, когда он, подразумевая Белецкого, рассказывал: «После того, как состоялось мое назначение, я предупредил его о намерении Александры Федоровны назначить его товарищем министра»[82]. Очевидно, здесь речь идет не о получении Хвостовым портфеля руководителя МВД, а о дате, когда царица намекнула Хвостову о желательности привлечения в МВД Белецкого, т.е. о 17 сентября. Сенатор показывал, что о назначении думца «знал недели за две до официального приказа» об этом от самого Хвостова, который при первой же встрече с Белецким пригласил собеседника «к сотрудничеству с ним на должность товарища министра внутренних дел, в случае его назначения», а впоследствии виделся с сенатором «почти ежедневно»[83]. Следовательно, Белецкого также подвела память, поскольку, согласно сенатору, его первая встреча с Хвостовым имела место около 12 сентября, если отнять две недели от 26 сентября, когда Николай II подписал указ о назначении думца[84]. Впрочем, очевидно, в данном случае расхождение между источниками относительно небольшое, позволяя утверждать наверняка, что встреча Белецкого и Хвостова произошла не ранее 17 сентября.

В другом месте своих показаний Белецкий оказался гораздо менее точным, создав тем самым источниковедческие предпосылки для версии о решающей роли Андроникова при подготовке назначения как Хвостова, так и Белецкого. Суть этого места из его показаний заключается в следующем. Приблизительно в середине сентября 1915 г. князь, узнав о возвращении сенатора в Петроград, телефонировал ему и пригласил к себе на квартиру, где сообщил, что «в составе кабинета предстоят большие перемены, которые могут повлечь за собою, — отмечал Белецкий, — обратное мое возвращение к активной работе, к чему почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу», причем Андроников поставил Белецкому условие — «в будущем действовать с ним солидарно». «Когда князь Андроников, — показывал Белецкий далее, — сообщил мне о предстоящих переменах, то под строгим секретом передал мне, что им еще задолго до этого, уже с лета выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Воейковым и с А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь для Хвостова подготовляется благоприятная почва к приему у государя, что, судя по всему, успех назначения обеспечен и что это делается очень тонко, так что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата,

[82] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 165.

[83] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 119.

[84] *Куликов С. В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, князем Андрониковым, меры и что А. Н. Хвостов <...> теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире князя Андроникова свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд дальнейших свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная с ним поездка к А. А. Вырубовой, где я встретил доверчивый прием, и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через князя Андроникова и у которого бывал неоднократно. Эти сведения меня убедили, что князь Андроников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям, назначение А. Н. Хвостова»[85].

Приведенный отрывок отличается перепутанной хронологией и переполнен неточностями, которые далее будут рассматриваться в порядке их расположения в отрывке. «С лета» 1915 г. кандидатуру Хвостова Андроников выставлять не мог, поскольку с Николаем II, Александрой Федоровной и Распутиным тогда не встречался, а сближение Хвостова с Воейковым Андроников организовал после 23 сентября, когда князь обращался к генералу: «Очень прошу Вас разрешить мне приехать к Вам с Алексеем Николаевичем Хвостовым, если можно — завтра, в четверг, или в пятницу. Я много говорил Алексею Николаевичу про Вас, и он жаждет видеть Вас»[86]. Близкое знакомство Хвостова с Вырубовой при посредничестве Андроникова произошло не вообще «летом», а конкретно 29 августа[87], с Александрой Федоровной при посредничестве Вырубовой — 17 сентября[88]; вопрос о приеме Хвостова 23 сентября Николай II решил без постороннего влияния телеграммой царице от 19 сентября[89]. В намерение монарха назначить Хвостова Горемыкин был полностью посвящен еще в конце июля 1915 г. (см. выше). Кандидатуру Крыжановского в министры внутренних дел Николай II отверг во время всеподданнейшего доклада Горемыкина, состоявшегося 14 сентября[90], и не по происках Андроникова, а поскольку Крыжановский, напоминала Александра Федоровна супругу 17 сентября, «тебе всегда сильно не нравился»; тогда же, принимаемый царицей, «провалу» Крыжановского пытался способствовать не Андроников, а Хвостов, заявивший,

[85] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 152–155.

[86] М. М. Андроников — В. Н. Воейкову. 23 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1617 (князь М. М. Андроников). Оп. 1. Д. 63. Л. 26 об.

[87] Александра Федоровна — Николаю II. 29 августа 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 237.

[88] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 304.

[89] Николай II — Александре Федоровне. 19 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 316.

[90] Там же.

что государственный секретарь — «очень дурной человек»[91], иными словами — Николай II отказался от замены Щербатова Крыжановским независимо от отрицательного мнения о нем Хвостова, а тем более — Андроникова. В другом месте своих показаний Белецкий утверждал, что его сближение с Хвостовым последовало помимо Андроникова[92]. К Вырубовой Белецкий ездил вместе с Андрониковым[93] 20 сентября[94], а к Воейкову, вместе с Хвостовым, — после состоявшегося 23 сентября приема последнего Николаем II[95]. Все эти неточности можно объяснить, во-первых, тем, что Андроников сознательно блефовал перед Белецким, разыгрывая роль этакого кукловода и стремясь обеспечить за собой влияние на сенатора, а во-вторых — желанием Белецкого подыграть Чрезвычайной следственной комиссии, которая пыталась документально подтвердить миф о решающем влиянии представителей «темных сил», в частности Андроникова, на высшую кадровую политику.

Хотя роль Андроникова в подготовке назначения Хвостова сводилась к исключительно служебной роли посредника, Александра Федоровна беспокоилась, как бы болтливость князя не выставила в превратном свете ее и Вырубову. «Андроников, — сообщала Александра Федоровна мужу 20 сентября, — дал Ане честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов и Белецкий бывают у нее (она видается с ними в своем доме, не во дворце), так что ее имя и мое не будут в этом замешаны»[96]. Поначалу тайну удавалось сохранять вполне. «Очень шатким, — сообщал Д. Н. Матвееву крупный чиновник МВД Н. Д. Тальберг 19 сентября, — продолжают считать положение нашего шефа, преемниками которого называют Крыжановского, Веревкина (товарища министра юстиции), Ал[ександра] Трепова, даже Муратова»[97]. Примечательно, что кандидат императора, в отличие от кандидата премьера, в этом списке отсутствует.

Приехав в Царское Село 23 сентября, Николай II вызвал Хвостова «поговорить о текущих делах»[98]. «После чая, — записал в этот день монарх, — принял молодого Хвостова»[99]. Гоф-фурьер уточнил, что «член Государственной Думы

---

[91] Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 305.

[92] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 119.

[93] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1924. С. 394, 395.

[94] Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

[95] *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 184.

[96] Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1915 г. // Переписка Николая и Александры... С. 319.

[97] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 129.

[98] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 7.

[99] *Николай II.* Указ. соч. С. 155.

в звании камергера Хвостов» «имел счастие» представляться царю от 6 до 8 вечера[100]. На этот раз Хвостова-племянника не перепутали с Хвостовым-дядей. Общение между Николаем II и думцем было отмечено печатью характерного для последнего самодержца невинного лукавства. Подразумевая царя, Хвостов показывал: «Он мне ни слова не сказал о моем назначении, говорил о текущих делах, говорил, что читал мои речи, — вполне со мной согласен; говорил об общем положении вещей, — говорил долго... Потом простился со мной и сказал, что будет с большим интересом читать мои речи в Государственной Думе»[101]. Сразу после возвращения Хвостова в Петроград его по телефону пригласили к Горемыкину. «Когда я приехал к нему, — вспоминал Хвостов, — он показал мне письмо царя о моем назначении», посланное премьеру до встречи Николая II с депутатом. Горемыкин заявил откровенно, что назначение Хвостова «сделано против его желания», поскольку «он вел в министры внутренних дел Крыжановского»[102]. «В 3½ поехал в город и на Елагин, — записал императора 24 сентября. — Пил чай с Мама́ и Ксенией. Вернулся в поезде с Горемыкиным»[103]. Наверняка сын сообщил матери, что скоро назначение ее любимца станет фактом, однако точно утверждать этого нельзя, поскольку и относящиеся к сентябрю 1915 г. дневниковые записи Марии Федоровны сохранились только за 2, 3, 8, 17 и 18 числа[104]. Запись за 24 сентября отсутствует. Вообще обширные лакуны в дневнике вдовствующей императрицы за июль–сентябрь 1915 г. дают основания для предположения о том, что они стали результатом сознательного уничтожения, сделанного в редакции «Последних новостей», которые, имея в своем распоряжении подлинник дневника за указанный период, опубликовали его частично, опустив записи, доказывающие, что к назначению Хвостова была причастна Мария Федоровна, поскольку это противоречило внедренному (в том числе и стараниями редактора газеты П. Н. Милюкова) в массовое сознание мифу, будто данное назначение стало результатом влияния «темных сил».

25 сентября Николай II принял «в 11 час. — Щербатова и в 12 час. — Самарина и, — отметил император в своем дневнике, — простился с обоими»[105]. «Государь, — описывал встречу царя с князем А. И. Спиридович, — как всегда, милостиво и внимательно выслушал доклад и согласился на назначение одного рекомендованного министром губернатора. По окончании доклада, встав, государь, как бы конфузясь, объявил министру об его увольнении». «Я почувствовал, — сообщал Щербатов Спиридовичу уже в эмиграции, — что у меня гора с плеч сваливается,

[100] Черновой Камер-фурьерский журнал за сентябрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516 (камер-фурьерские журналы). Оп. 219/2728. Д. 41. Л. 167 об.

[101] Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 7.

[102] *Хвостов А. Н.* Указ. соч. С. 165.

[103] *Николай II.* Указ. соч. С. 155.

[104] *Мария Федоровна.* Указ. соч. С. 91.

[105] *Николай II.* Указ. соч. С. 155.

и я искренне сказал: "Покорнейше благодарю, Ваше величество"». «Государь, — писал Спиридович, — обнял князя, выразил сожаление и объявил о назначении его членом Государственного Совета. Князь поблагодарил, но отказался, мотивируя это тем, что он должен вернуться в имение. Немного удивившись, государь ничего не сказал и молча пожал князю руку. На другой день Щербатов получил фотографию императора с подписью»[106]. Распрощавшись с отставляемыми министрами, царь написал А. С. Танееву, главноуправляющему Собственной его величества канцелярией: «Пришлите мне указы об увольнении: князя Щербатова от должности управляющего Министерством внутренних дел и Самарина от должности исправляющего должность обер-прокурора Св. Синода. О назначении члена Государственной Думы Хвостова управляющим Министерством внутренних дел. Николай. 25 сентября 1915»[107]. Подготовленные Танеевым указы о назначениях Хвостова и Белецкого царь подписал 26 и 28 сентября[108]. Таким образом, во всей истории назначения Хвостова с начала и до конца Николай II сохранял за собой главную роль, несравнимую по своему значению с явно второстепенными ролями Александры Федоровны, Вырубовой и Андроникова, не говоря уже об отсутствовавшем Распутине.

Старец вернулся в Петроград лишь 28 сентября[109], будучи «заранее предупрежден телеграммой» о произведенных кадровых переменах[110], и в тот же день посетил императорскую чету. «Вечер, — записал тогда Николай II, — провели хорошо у Ани с Григорием»[111]. Встреча старца с Хвостовым и Белецким состоялась уже после их назначений, 29 сентября, на квартире Андроникова во время данного им обеда и в присутствии Червинской. «Из первых же слов, — показывал Белецкий, — Распутин дал понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие»[112]. Тем не менее, преувеличивая свое значение, виновником возвышения Хвостова и Белецкого Распутин выставлял себя. «Меня злило, — возмущался по этому поводу Андроников, — когда Распутин говорил: "Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого"... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа (правильно — 26 сентября. — *С. К.*), а Распутин приехал в сентябре!»[113] Впрочем, Андроников сам,

[106] *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 187.

[107] Николай II — А. С. Танееву. 25 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1409 (Собственная его величества канцелярия). Оп. 9. Д. 321. Л. 7.

[108] *Куликов С. В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 50.

[109] Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С. 274.

[110] Допрос князя Н. Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима... Т. 7. М.–Л., 1927. С. 215.

[111] *Николай II.* Указ. соч. С. 156.

[112] Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима... Т. 4. М.–Л., 1925. С. 161.

[113] Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 1. М.–Л., 1925. С. 379.

кадя своему самолюбию, перед непосвященными, в частности перед Белецким, тоже представлял дело так, будто он и является автором кандидатуры Хвостова. Понятно, что старец и князь выдавали желаемое за действительное, и назначение Хвостова всецело предопределялось не влиянием «темных сил», а личным выбором Николая II. Впрочем, 2 марта 1916 г., когда Хвостов, который скомпрометировал себя причастностью к «делу Б. М. Ржевского»[114], вот-вот должен был получить отставку, Александра Федоровна сокрушенно писала мужу, подразумевая себя и Вырубову: «Я в отчаянии, что мы через Григория рекомендовали тебе Хвостова. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию»[115]. Однако это — явный самооговор, поскольку в данном случае экзальтированная царица, как всякий любящий человек, попыталась переложить вину с любимого человека на себя — субъект любви всегда приписывает объекту любви все успехи, даже свои, и кается за неудачи, даже чужие.

Главной причиной появления версии о Хвостове как ставленнике камарильи стало функционирование машины «черного пиара», одним из виртуозных пользователей которой в начале XX в. являлся А. И. Гучков. Уже 1 октября 1915 г. соратник лидера октябристов М. С. Маргулиес говорил петроградскому городскому голове графу И. И. Толстому со слов Гучкова, что «Хвостов назначен министром по желанию Распутина, познакомившегося с совсем молодым еще Хвостовым в бытность его вице-губернатором или губернатором». Весьма характерно — Толстой, хороший знавший Гучкова как гласного Петроградской городской думы с 1913 г., отметил, что его информация «не внушает чрезмерного доверия», поскольку исходит от политика, который «ради своих целей не женируется с истиной, и когда ему это кажется нужным — привирает и выдумывает за дорогую душу»[116]. Однако у менее искушенных общественных и государственных деятелей Гучков имел репутацию респектабельного политика, а потому распространявшаяся им ложь воспринималась как правда. Сыграл роль и массовый психоз, охвативший накануне Февральской революции 1917 г. широкие круги населения и заставлявший видеть «руку Распутина» едва ли не во всем. «Рассказами о Гришке полна Россия, — записал Л. А. Тихомиров 2 января 1916 г. — Так, еще недавно слыхал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкою. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами самодержавия, но это не изменяет результатов»[117].

Рассмотрение предыстории и механизма назначения Хвостова управляющим МВД показывает, что это событие было вызвано вескими политическими причинами, а не происками камарильи. Помимо того, что Хвостов своей государственной и общественной деятельностью заслужил авторитет у Николая II,

[114] См. о нем: *Куликов С. В.* Дело Б. М. Ржевского // Из глубины времен. 2011. Вып. 14. С. 4–40.

[115] Александра Федоровна — Николаю II. 2 марта 1916 г. // Переписка Николая и Александры... С. 501.

[116] *Толстой И. И.* Дневник: В 2 т. СПб., 2010. Т. 2. С. 815.

[117] *Тихомиров Л. А.* Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 188.

он еще, как сообщал супруге назначенный член Группы центра Государственного Совета князь А. Д. Оболенский, получил известность как «принципиальный немцененавистник»[118]. «Во время войны, — вспоминала Вырубова, — Хвостов был правым членом Думы, стал произносить громовые речи против немецкого засилия. Государь взял его, сказав, что "уж его в шпионстве не заподозрят"»[119]. Выбирая Хвостова, Николай II хотел добиться нейтрализации слухов об «измене наверху», которые, как показали московские волнения конца 1915 г., начали приобретать антидинастический характер. Поскольку Хвостов, особенно после речи 3 августа, имел репутацию ярого германофоба и являлся в этом смысле знаковой фигурой, его назначение, по мысли царя, должно было доказать несостоятельность подозрений, захвативших массовое сознание.

Существовала еще одна политическая причина, вызвавшая возвышение Хвостова, который, по мнению П. Н. Милюкова, получил портфель как «кандидат крайних правых организаций» и «ставленник Союза русского народа»[120]. Но уже И. И. Толстой был более осторожен, хотя и записал 27 сентября 1915 г., что замена Щербатова Хвостовым «является, несомненно, сдвигом вправо, к реакции». «Впрочем, — оговаривался граф, — по слухам, Хвостов умнее Щербатова и, может быть, он окажется менее партийным, чем дозволено опасаться, на новом ответственном посту»[121]. Более осведомленный П. Б. Струве прямо утверждал, что «якобы "правый" господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы "левый" князь Щербатов», а потому: «Никакого сдвига направо не совершилось»[122]. «Министром внутренних дел назначен Хвостов, член Государственной Думы, — комментировал данное событие великий князь Андрей Владимирович 27 сентября 1915 г. — Об этих переменах уже давно говорили как о первом предвестнике ответственного перед палатами министерства»[123]. Назначение Хвостова, подчеркивал Волконский, «было сделано под влиянием общественного мнения»[124]. Подразумевая это назначение, Г. Е. Львов признавал: «Несомненно, тут была идея — мы идем навстречу обществу, мы берем наших министров из рядов избранников народа»[125]. «Царю все навязывали общественных деятелей, — комментировал возвышение Хвостова В. Б. Лопухин. — С благословения Распутина он и взял себе общественного деятеля

[118] *Иванов А. А.* Указ. соч. С. 221.

[119] *Вырубова А. А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 110.

[120] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 30, 32.

[121] *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 813.

[122] *Струве П. Б.* Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

[123] *Андрей Владимирович, вел. кн.* Военный дневник (1914–1917). С. 188.

[124] Показания князя В. М. Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима... Т. 6. М.–Л., 1926. С. 137.

[125] *Соколов Н. А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8. С. 215.

в министры внутренних дел, думая угодить общественности»[126]. Образование в конце августа 1915 г. Прогрессивного блока актуализировало для царя вопрос о соглашении правительства с оппозицией, которое не выглядело бы как капитуляция власти, что могло, по мнению Николая II, привести к усилению внутриполитической дестабилизации. И Хвостов, беспартийный правый, близкий в то же время к Прогрессивному блоку, как никто другой подходил для решения указанного вопроса. С учетом всех этих причин назначение Хвостова свидетельствовало о полной адекватности Николая II как правителя и эффективности, даже — эффектности, проводившейся им высшей кадровой политики и само по себе не может быть рассмотрено как доказательство «кризиса самодержавия», который если и проявлялся, то отнюдь не в предыстории и механизме назначения Хвостова управляющим МВД.

References

Andrey Vladimirovich, vel. kn. Voennyj dnevnik (1914–1917). M., 2008.

Avreh A. Ya. Tsarizm nakanune sverzheniya. M., 1989.

Dyakin V.S. Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917). L., 1967.

Gurko V.I. Tsar' i tsaritsa // Nikolay Vtoroy. Vospominaniya. Dnevniki. SPb., 1994.

Hvostov A.N. Iz vospominaniy // Golos minuvshego. 1923. № 2.

Iskenderov A.A. Zakat Imperii. M., 2001.

Ivanov A.A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). M.–SPb., 2013.

Kryzhanovskiy S.E. Vospominaniya. Iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii. SPb., 2009.

Kulikov S.V. «Ministerskaya cheharda» v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny. Hronika sobytiy (iyul' 1914 — fevral' 1917) // Iz glubiny vremen. 1994. Vyp. 3.

Kulikov S.V. Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917). Ryazan', 2004.

Kulikov S.V. Delo B.M. Rzhevskogo // Iz glubiny vremen. 2011. Vyp. 14.

Kulikov S.V. Praktika popolneniya sostava chlenov Gosudarstvennogo soveta po naznacheniyu v 1906–1917 gg. // Problemy sotsial'nogo i gumanitarnogo znaniya: Sbornik nauchnyh rabot. Vyp. 2. SPb., 2000.

Lopuhin V.B. Zapiski byvshego direktora Departamenta MID. SPb., 2008.

Mariya Fedorovna. Dnevniki (1914–1920, 1923 gg.). M., 2005.

Mel'gunov S.P. Legenda o separatnom mire. Kanun revolyutsii. M., 2006.

Milyukov P.N. Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. M., 2001.

Milyukov P.N. Vospominaniya: V 2 t. M., 1990.

Nikolay II. Dnevniki (1894–1918): V 2 t. M., 2013.

Oratori Rossii v Gosudarstvennoi dume (1906–1917 gg.). Sost. M.A. Bulanakova, S.V. Kulikov i O.A. Patrikeeva. V 2 t. SPb., 2004.

Padenie carskogo rejima. Stenograficheskie otcheti doprosov i pokazanii, dannih v 1917 g. v Chrezvichainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitelstva: V 7 t. M.–L., 1924–1927.

Perepiska Nikolaya i Aleksandri. M., 2013.

Postanovlenie sledovatelya ChSK Vremennogo pravitelstva F.P. Simsona. 1 noyabrya 1917 g. // Iskenderov A.A. Zakat Imperii. M., 2001.

Rudnev V.M. Pravda o tsarskoy sem'e i «temnyh silah» // Svyatoy chert. Tayna Grigoriya Rasputina. Vospominaniya. Dokumenty. Materialy Sledstvennoy komissii. M., 1990.

Sokolov N.A. Predvaritel'noe sledstvie 1919–1922 gg. // Rossiyskiy arhiv. 1998. T. 8.

Spiridovich A.I. Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya. Vospominaniya. Minsk, 2004.

Struve P.B. Neotvratimoe sovershaetsya // Birzhevye vedomosti. 1915. 11 oktyabrya.

Suhomlinov V.A. Dnevnik // Dela i dni. 1922. Kn. 3.

Sultanov S.M. A.N. Hvostov (Pis'mo iz Moskvy) // Birzhevye vedomosti. 1915. 7 oktyabrya.

[126] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008. С. 255.

Tihomirov L.A. Dnevnik. 1915–1917 gg. M., 2008.

Tolstoy I.I. Dnevnik: V 2 t. SPb., 2010.

«Uspokoeniya nechego ojidat'». Pisma knyazya M.M. Andronikova Nikolayu II, Aleksandre Fedorovne, A.A. Virubovoi i V.N. Voeikovu // Istochnik. 1999. № 1.

Voeykov V.N. S tsarem i bez tsarya. Vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II. M., 1995.

Vyrubova A.A. Stranitsy moey zhizni // Vernaya Bogu, Tsaryu i Otechestvu. Anna Aleksandrovna Taneeva (Vyrubova) — monahinya Mariya. SPb., 2005.

Список литературы

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник (1914–1917). М., 2008.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

Вырубова А.А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005.

Гурко В.И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.–СПб., 2013.

Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.

Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3.

Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного Совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2000.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Куликов С.В. Дело Б.М. Ржевского // Из глубины времен. 2011. Вып. 14.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.

Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008.

Мария Федоровна. Дневники (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.

Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990.

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

Николай II. Дневники (1894–1918). В 2 т. М., 2013.

Ораторы России в Государственной думе (1906–1917 гг.). Сост. М.А. Буланакова, С.В. Куликов и О.А. Патрикеева. В 2 т. СПб., 2004.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.–Л., 1924–1927.

Переписка Николая и Александры. М., 2013.

Постановление следователя ЧСК Временного правительства Ф.П. Симсона. 1 ноября 1917 г. // Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.

Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990.

Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004.

Струве П.Б. Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915 г. 11 октября.

Султанов С.М. А.Н. Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.

Сухомлинов В.А. Дневник // Дела и дни. 1922. Кн. 3.

Тихомиров Л.А. Дневник. 1915–1917 гг. М., 2008.

Толстой И.И. Дневник: В 2 т. СПб., 2010.

«Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1.

Хвостов А.Н. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 2.